

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА КРОВЬ И ВОДА

Книга четвёртая
Бодякшина Ирина

Ирина Бодякшина
Неопалимая Купина.
Кровь и вода. (Книга 4)
Серия «Неопалимая Купина.», книга 4

*<https://litres.ru/74655819>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Прошло три года. Анна думала, что всё закончилось. Колодец закрыт. Икона в красном углу. Веретено в сундуке. Дети растут. Муж рядом. Жизнь идёт.

Но однажды ночью в колодце снова появляется кукла. Та самая. Тряпичная. С косичками. А на снегу — маленькие босые следы.

Анна спускается в колодец. И находит там девочку. Маленькую. С яблоком в руке. Она говорит, что её зовут Марина. Что она упала в колодец двадцать лет назад. Что она выжила. Что она ждала.

А ещё она говорит, что тьма не ушла. Она в Фёдоре. В сыне Анны. И чтобы спасти его, Анна должна отдать то, что любит больше всего. Не часть. Всё. Целиком.

Но настоящий враг — не тьма. Настоящий враг — Вера. Тётка Анны. Та, что выпустила тьму. Та, что хочет стать хранительницей. Та, что уже едет к ней.

А где-то под колодцем, в темноте, кто-то улыбается. И этот кто-то — не Марина. И не Феодосия.

Это Анна.

«Кровь и вода» — четвёртая книга цикла «Неопалимая Купина». Мистический триллер о роде, памяти и цене, которую платит хранительница

Содержание

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА. КРОВЬ И ВОДА	5
Пролог. Та, что смотрит из воды	6
Глава 1. Та, что вернулась	8
Глава 2. Кукла	13
Глава 3. Тайна под колодцем	17
Глава 4. На дне	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Ирина Бодякшина
Неопалимая Купина.
Кровь и вода. (Книга 4)**

**НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.
КРОВЬ И ВОДА**

(Книга четвёртая)

Пролог. Та, что смотрит из воды

Я не помню, как умерла.

Помню только воду. Чёрную. Густую. Как дёготь. Она была везде: в лёгких, в горле, в глазах. Я тонула. Медленно. Как в сне.

А потом — тишина.

Не та тишина, что бывает в пустом доме. Другая. Глухая. Как будто мир выключили. Как будто кто-то взял и выдернул шнур.

Я открыла глаза. И увидела свет. Не белый. Не золотой. Красный. Как огонь. Как кровь. Как небо над скитом в тот день, когда он горел.

Я стояла на дне колодца. Вода была вокруг меня, но я не тонула. Я дышала. И смотрела вверх. На круглое пятно неба. Маленькое. Далекое. Как окно в другой мир.

А в этом окне была она. Женщина. С иконой в руках. Она смотрела на меня. И плакала.

Я хотела сказать ей, что всё хорошо. Что я не боюсь. Что я ждала. Но голос не шёл. Только пузыри. Только тишина.

А потом я увидела его. Мальчика. Он стоял рядом с ней. Смотрел на воду. И в его глазах был огонь. Настоящий. Оранжевый.

Я узнала его. Это был мой сын.

Только он не был моим сыном. Он был её сыном. Той, что

стояла наверху. Той, что плакала. Той, что держала икону.

А я... я была никем. Я была той, что осталась в воде. Той, что ждала. Той, что не успела уйти.

Я — Марина. Настоящая. Та, что упала в колодец двадцать лет назад. Та, что выжила. Та, что забыла. Та, что вернулась.

И я всё ещё здесь.

Я жду.

Я жду, когда она придёт за мной. Когда она вспомнит. Когда она поймёт, что я — не дух. Я — не тень. Я — плоть. Я — кровь. Я — вода.

Я — та, что смотрит из колодца.

И я не отпущу её сына.

Глава 1. Та, что вернулась

Прошло три года.

Я считала дни. Тысяча девяносто пять. Как когда-то считала этажи, падая с балкона. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять.

Тогда я не умерла. Тогда я решила, что буду жить. Тогда я думала, что самое страшное позади.

Я ошибалась.

Утро было ранним. Туман лежал на Волге, как мокрое одеяло. Пахло полынью, мокрой землёй и старой древесиной. Я стояла на крыльце с чашкой чая и смотрела на колодец.

Он стоял во дворе — старый, деревянный, с резным навесом. Мы залили крышку новым железом, чтобы туда не падал мусор. Дима говорил: «Оставь. Пусть будет закрыт». Я и оставила. Закрытым.

Но он не был закрыт. Он никогда не был закрыт.

Я слышала плеск.

Не в голове. Не в сердце. А снаружи. Тихий, ритмичный. Как будто кто-то в воде бил ладонью по поверхности. Раз. Два. Три.

Чашка в моей руке дрогнула. Чай выплеснулся на руку. Я не почувствовала боли.

— Мам?

Я обернулась. На пороге стоял Фёдор. Ему уже восемнадцать. Он вырос. Стал выше меня. Стал похож на Диму. Но в его глазах было что-то, чего не было у Димы. Что-то тёмное. Что-то чужое.

— Ты слышишь? — спросила я.

— Что? — он зевнул.

Я посмотрела на колодец. Плеск прекратился. Но я знала: не показалось.

— Ничего, — сказала я. — Показалось.

Я соврала. Я соврала своему сыну в первый раз за три года. И я знала, что это не последний раз.

В ту ночь я не спала. Я сидела на кухне, у окна, и смотрела на двор. Луна заливала колодец белым светом. Он казался ещё старше, чем был. Как будто время над ним не властно.

Я думала о том, что было три года назад. О том, как спускалась в этот колодец. Как нашла крест. Как победила Аркадия. Как мы купили дом. Как родили новую жизнь.

А потом услышала плеск. Он повторился. Тихий. Ритмичный. Как будто где-то далеко билось сердце. Под водой.

Я встала. Накинула платок. Вышла во двор.

Ветер стих. Трава была мокрой от росы. Я подошла к колодцу. Коснулась рукой холодного дерева. Оно было тёплым. Как живое.

— Кто здесь? — спросила я.

Тишина.

— Я знаю, что ты есть. — Голос мой дрогнул. — Пока-

жись.

И тут я услышала голос. Он был внутри колодца.

— Ты не пришла, — сказала девочка. — Я ждала тебя. Три года. Я ждала. А ты не пришла.

Я отшатнулась.

— Кто ты?

— Ты знаешь, — сказала она. — Я — та, кого ты ищешь. Я — та, кого ты забыла. Я — та, которую ты похоронила.

В голове зазвенели колокольчики. Впервые за три года. Громко, тревожно. Я схватилась за край колодца.

— Марина? — прошептала я.

Тишина.

А потом плеск. Громче. Отчаяннее. Как будто девочка билась по воде. Как будто хотела, чтобы я услышала.

Я вернулась в дом. Разбудила Диму.

— Что случилось? — спросил он.

— В колодце кто-то есть.

Он сел на кровати. Посмотрел на меня. В его глазах был страх. Тот самый, который был, когда он искал сестру.

— Ты уверена?

— Я слышала голос.

Он встал. Оделся. Мы вышли во двор.

— Открывай, — сказал он.

Я отодвинула железную крышку. В лицо пахнуло холодом и сыростью. Дима посветил фонариком.

Вода была чёрной. Как смоль. И на поверхности плавала

кукла.

Старая, тряпичная. В платье. С косичками.

Дима замер.

— Это кукла моей сестры, — прошептал он. — Я помню её. Мы играли с ней во дворе. Перед тем, как она исчезла.

Я посмотрела на него.

— Значит, она жива.

— Или она умерла, — сказал он. — И это её дух.

Мы стояли и смотрели на куклу. А кукла смотрела на нас. И улыбалась.

А в голове у меня звенели колокольчики. И я знала: это только начало.

Днём в селе началось странное.

Бабка Серафима, которая жила через две улицы, вышла из дома и долго стояла посреди дороги. Она смотрела на наше окно. Просто стояла и смотрела. Я махнула ей рукой, но она не ответила. Развернулась и ушла. А вечером я узнала, что она сказала соседке: «Из колодца опять пахнет. Плохо это. Скоро кто-то уйдёт».

Я не придавала значения. В селе всегда ходили слухи. Но когда я пошла кормить кур, то увидела, что ворота в сарай открыты. Хотя Дима всегда закрывал их на щеколду.

Я подошла к сараю. Заглянула внутрь. В темноте что-то блестело. Я взяла фонарик. И увидела на полу мокрые следы. Маленькие. Босые.

Они вели от колодца к дому. И обратно.

Я вернулась в дом. Села на стул. И стала смотреть на икону.

Она сияла. Ярко. Тепло. Как будто говорила: «Я здесь. Я рядом. Но я не смогу защитить тебя от того, что ты сама открыла».

Я встала. Подошла к иконе. Коснулась её рукой.

— Господи, — сказала я. — Что мне делать?

И в этот момент я услышала голос. Не в голове. Не в ушах. В сердце.

— Иди в колодец.

Я замерла.

— Я боюсь.

— Я знаю. Но ты должна.

Я закрыла глаза. И впервые за три года почувствовала, что я не одна.

А когда открыла — увидела в окне тень. Она стояла во дворе. Смотрела на меня. И ждала.

Я не сказала Диме. Я не сказала никому. Потому что тень была не моя.

Это была тень той, которая пришла с огнём.

Глава 2. Кукла

Утром мы вытащили куклу из колодца.

Она была тяжёлой. Пропитанной водой. Тряпичное лицо потемнело от времени и сырости, но улыбка осталась. Та самая. Кривая. Детская. Которую вышивала чья-то мать. Не жалея красных ниток.

Я завернула куклу в старую рубаху и отнесла в дом. Дима ходил мрачнее тучи. Он не спал всю ночь. Сидел на крыльце и смотрел в сторону Волги. Как будто ждал, что оттуда кто-то придёт.

— Я не понимаю, — сказал он, когда мы сели за стол на кухне. — Если она умерла, почему кукла цела? Тряпка бы сгнила за двадцать лет в воде. Даже в колодце. Даже без света.

— Значит, кто-то положил её туда недавно, — ответила я, глядя на почерневшее лицо куклы. — Кто-то, кто знает про Марину. Кто-то, кто хочет, чтобы мы начали искать.

Дима сжал кулаки так, что побелели костяшки. Я видела, как в нём закипает ярость. За эти три года он свыкся с мыслью, что сестра мертва. Похоронил её внутри себя. Построил стену. А теперь эта стена рушилась. И вместе с ней рушился он.

— Я найду его, — сказал Дима. — Кто бы это ни был. Найду и заставлю сказать правду.

— Найдёшь, — согласилась я. — Но сначала мы должны понять, зачем он это делает.

В полдень в село приехал гость.

Я как раз развешивала бельё во дворе, когда у калитки остановилась чёрная машина. Не простая. Дорогая. Такие машины в Шиловке не ездят — здесь дороги разбитые, а грязь по колено.

Из машины вышел мужчина. Высокий. Худой. В очках. В руках он держал старый кожаный портфель и трость. Трость была не для ходьбы — он держал её как аксессуар. Как держат зонт в солнечный день.

Он выглядел как учитель из города. Как человек, который приехал читать лекции, а не искать правду.

— Добрый день, — сказал он, подходя к калитке. Голос у него был мягкий, вкрадчивый. — Меня зовут Виктор Львович. Я этнограф. Изучаю старообрядческие скиты Поволжья.

Я выпрямилась. Вытерла руки о фартук. Что-то в нём было не так. Слишком гладкий голос. Слишком вежливая улыбка. Как у Аркадия. Только тот был грубым, шёл напролом, угрожал. А этот — мягким. Он улыбался так, как улыбаются люди, которые точно знают, что получают своё.

— Анна, — сказала я. — Чем могу помочь?

— Мне сказали, что в вашем доме сохранились старые вещи. Иконы. Утварь. Предметы быта. — Он поправил очки. — Я пишу научную работу. Мне нужны материалы. Я готов

заплатить. Хорошо заплатить.

— У нас нет ничего на продажу, — отрезала я.

— Я не покупаю, — улыбнулся он. — Я изучаю. Мне достаточно посмотреть. Сфотографировать. Может быть, взять на время. Для исследования.

В этот момент из дома вышел Дима. Он остановился на крыльце. Виктор Львович посмотрел на него, и я увидела, как его глаза сузились. Как будто он узнал его. Или ждал встречи. Как будто весь этот разговор с самого начала был не со мной.

— Здравствуйте, — сказал Виктор. — А вы, должно быть, Дмитрий?

Дима напрягся. Я увидела, как его рука потянулась к двери, как будто он хотел захлопнуть её. Но он остался стоять.

— Мы знакомы?

— Нет. Но я о вас слышал. — Виктор улыбнулся шире. — Вы искали сестру. Двадцать лет. Марина, кажется? Такая маленькая девочка. С косичками. С яблоком в руке.

Повисла тишина. Я услышала, как скрипнули половицы под ногами Димы. Он спустился с крыльца и подошёл к калитке. Медленно. Как хищник.

— Откуда вы знаете про Марину?

— Я много чего знаю, — сказал Виктор. — Например, знаю, что в этом доме есть колодец. И что в этом колодце есть дверь. И что за дверью — комната. И в этой комнате когда-то жила девочка. Очень давно. Но, возможно, не так

давно, как вы думаете.

У меня похолодели руки. Я схватилась за забор. Дима шагнул вперёд, готовый схватить Виктора за грудки.

— Кто ты такой?

— Я тот, кто знает правду, — сказал Виктор. — И я приехал, чтобы её рассказать. Но сначала мне нужно посмотреть на то, что вы нашли в колодце. Куклу.

— Откуда вы знаете про куклу? — прошептала я.

— Потому что я её туда и положил, — сказал он.

Мы стояли, не в силах двинуться. Виктор достал из портфеля старую карту. Жёлтую, потёртую, с загнутыми краями. Развернул её. На карте был наш дом. И колодец. Отмеченный красным крестом. А рядом с крестом — едва заметная надпись, сделанная старыми чернилами.

«Здесь вход. Не открывай. Пока не придёт та, кто услышит».

— Здесь, — сказал он, ткнув пальцем в крест. — Здесь находится не просто колодец. Здесь находится вход в скит. Подземную молельню. Тайное место, где поморцы прятали иконы. И не только иконы. Людей. Детей.

Дима посмотрел на карту. Потом на меня. Потом снова на Виктора. Его лицо было белым, как мел.

— Что там? — спросил он.

— То, что вы ищете, — сказал Виктор. — И то, что может вас убить.

Глава 3. Тайна под колодцем

Мы пустили его в дом.

Не потому, что поверили. А потому что нам нужна была правда. Любая. Даже от врага. Даже если этот враг улыбается так, что хочется закрыть дверь и никогда не открывать.

Виктор сидел на кухне и пил чай. Он держал чашку обеими руками и смотрел на икону в углу. Долго, молча. Потом сказал:

— Красивая. Неопалимая. Настоящая. Ей лет двести, не меньше.

— Не трогай её, — сказала я.

— Не буду. — Он поставил чашку. — Я приехал не за ней. Я приехал за картой. И за правдой о моей семье.

Дима сел напротив него. Я стояла у печи, скрестив руки на груди. В доме было тихо. Дети ушли в школу, но я знала, что Фёдор остался. Он сидел в своей комнате и слушал. Я чувствовала его присутствие.

— Рассказывай, — сказал Дима.

Виктор вздохнул. Снял очки. Протёр их платком. Надел обратно. Это было медленно, театрально, как будто он репетировал этот жест.

— В 1912 году мой прадед был смотрителем скита. Это был тайный скит, который находился под землёй. Здесь, на этом месте. Поморцы прятали там иконы. И детей. Чтобы

спасти их от гонений. — Он посмотрел на Диму. — В 1915 году скит сожгли. Мой прадед помогал его жечь. Он был из другой веры. Он считал, что прятать иконы — грех. И он сжёг скит вместе с людьми.

Дима побледнел.

— С людьми?

— С детьми, — сказал Виктор. — Их было шестеро. Они не успели выйти. Все сгорели.

— Что это значит? — спросила я.

— Это значит, что в этом колодце не просто вода. Это братская могила. И если в нём появляются куклы, значит, кто-то хочет, чтобы вы нашли тела.

Дима вскочил.

— Моя сестра не была в ските! Её похитили! Она играла у колодца!

— А вы уверены? — спросил Виктор. — Может быть, она не играла. Может быть, она спустилась туда сама. Может быть, она и есть одна из тех шести детей. Просто она была не 1915 года. Она была 2005-го.

Повисла тишина. Я услышала, как в соседней комнате заплакал Фёдор. Он стоял в дверях и смотрел на нас. Большой мальчик, который всё слышал. Который не должен был этого слышать.

— Мам? — сказал он. — Кто это?

— Никто, — сказала я. — Иди к себе.

Но Фёдор не ушёл. Он смотрел на Виктора. И вдруг ска-

зал:

— Я знаю, кто он. Я видел его во сне.

Мы все обернулись.

— Что? — прошептала я.

— Я видел его во сне, — повторил Фёдор. — Он стоял в тёмной комнате. И держал в руках куклу. А рядом с ним была девочка. Она плакала. И просила: «Не надо. Пожалуйста. Не надо».

Виктор побледнел. Впервые за весь разговор его лицо потеряло спокойствие. Он посмотрел на Фёдора, и в его глазах был страх. Настоящий. Животный. Как у Аркадия, когда зазвонил колокол.

— Мальчик, — сказал он. — Ты уверен?

— Да, — сказал Фёдор. — Он был в комнате под колодецем. Он положил куклу в воду. И сказал: «Пусть она вспомнит».

Виктор встал. Резко. Отодвинул стул. Посмотрел на Диму. Потом на меня.

— Ваш сын видит, — сказал он. — Это опасно. Опасно для него. И для вас.

— Что опасно? — спросил Дима, шагнув к нему.

— То, что вы разбудили, — сказал Виктор. — Когда вы спустились в колодец три года назад. Когда взяли крест. Вы думали, что закрыли дверь. Но вы её открыли. И теперь оттуда выходит то, что спало сто лет.

Он взял портфель. Направился к двери.

— Подождите, — сказала я. — Вы не можете уйти просто так.

— Могу, — сказал он, обернувшись. — И уйду. Потому что если я останусь, будет хуже. Но я вернусь. Завтра. И принесу то, что поможет вам понять, с чем вы столкнулись.

Он вышел. Хлопнула дверь. Мы остались втроём: я, Дима и Фёдор.

Фёдор подошёл ко мне. Обнял. Я почувствовала, как он дрожит.

— Мам, — сказал он. — Я боюсь.

— Я тоже, — сказала я. — Но мы справимся.

Я посмотрела на икону. Она сияла. Впервые за три года — ярко, как тогда. Как будто хотела что-то сказать. Как будто предупреждала.

А в голове у меня снова зазвенели колокольчики. Громко. Тревожно. Как будто кто-то стучал из-под земли. И хотел, чтобы я услышала.

Ночью я не спала.

Я вышла во двор. Ветер стих. Трава была мокрой от росы. Я подошла к колодцу. Коснулась рукой холодного дерева.

И тут я увидела следы. Маленькие. Босые. Они вели от колодца к дому. И обратно.

Я замерла.

— Кто здесь? — спросила я.

Тишина.

А потом я слышала голос. Не в голове. Не в ушах. В серд-

це.

— Не бойся. Это я. Марина.

Глава 4. На дне

Я спустилась в колодец на рассвете.

Не сказала Диме. Не сказала Фёдору. Не сказала никому. Я просто взяла верёвку, привязала её к столбу и шагнула в темноту.

Внутри было холодно. Пахло сыростью, мхом и чем-то ещё. Чем-то сладковатым. Как будто где-то внизу гнили яблоки.

Я спускалась медленно. Руки скользили по мокрым камням. Верёвка скрипела. Где-то наверху, в другом мире, пели птицы. Здесь, внизу, было тихо. Только капли воды. Только моё дыхание.

На дне я увидела дверь.

Она была старой. Деревянной. С резными узорами. Я уже видела её три года назад. Тогда она была заперта. Тогда я не смогла её открыть.

Сейчас она была приоткрыта.

Я толкнула её. Она открылась без скрипа. За ней был коридор. Узкий. Тёмный. Стены были влажными. Пахло землёй и воском.

Я вошла. И дверь за мной закрылась.

Коридор вёл вниз. Я шла долго. Очень долго. И вдруг вышла в комнату.

Большую. Сводчатую. С иконами на стенах. С длинным

столом посередине. Со свечами. Которые горели. Как будто их зажгли только что.

А за столом сидела девочка.

Маленькая. Лет семи. Худая. В старом платье. С косичками, торчащими в разные стороны. В руке она держала яблоко. Красное. Спелое.

— Ты пришла, — сказала она. — Я ждала тебя.

— Марина? — прошептала я.

— Да, — сказала она. — Я — Марина. Настоящая. Та, что упала в колодец двадцать лет назад. Та, что выжила. Та, что забыла.

— Но ты же... ты же была в Ульяновске. Ты же вернулась. Ты же...

— Это была не я, — сказала она. — Это была моя тень. То, что осталось от меня. А я... я всё это время была здесь.

Я села на пол. Прямо там. На холодные доски. И заплакала. Впервые за всё время. Я плакала. Долго. Беззвучно.

А Марина сидела рядом. И молчала. Потому что знала: словами тут не поможешь.

— Что случилось? — спросила я, когда слёзы кончились. — Двадцать лет назад. Что случилось?

Марина вздохнула. Откусила яблоко. Прожевала. И начала говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.